

Идеологические компоненты семантики связаны с общей системой ценностей, провозглашаемых данными институтами и ориентирующими носителя лингвокультуры на совершение каких-либо социально значимых действий. Лексема, в значении которой содержится идеологический компонент, условно может быть названа идеологемой.

По мнению Н. А. Купиной, формирование идеологем осуществляется путем прямолинейной аксиологической поляризации лексики, развития антонимических и синонимических рядов, системно закрепляющих идеологические догмы, кодификации нетрадиционной для русского языка лексической сочетаемости, отражающей идеологические стандарты [2, с. 7-15].

Аксиологическая поляризация понятий, как известно, функционирует в сфере политической терминологии, что вызвано желанием разграничить, с одной стороны, а с другой - утвердить интересы той или иной социальной группы. Это составляет суть и задачи идеологического противостояния.

В данной работе идеология рассматривается как совокупность когнитивных структур и ценностных ориентаций, представляющих интересы определённых социальных групп. Любая идеология тяготеет к экспансии своих ценностей, т. е. стремится внедриться в сознание как можно большего числа носителей языка, но без тех или иных дискурсивных практик (политического учения, идеологической доктрины, пропаганды) эта цель не может быть реализована.

Всё вышеперечисленное обусловило актуальность и цель исследования - выявить механизмы формирования идеологемного потенциала т. н. советизмов. В качестве материала были выбраны следующие источники: Толковый словарь языка Совдепии [ТСЯС 1998], Толковый словарь русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова [ТСУ 1935-1940] и Национальный корпус русского языка [www.ruscorpora.ru].

Советизмы представляют собой идеологемное воплощение ее только уже существующих в сознании концептов, но и вновь сконструированных. Интерпретация советизмов предполагает обращение к специфическим идеологическим ценностям советского периода.

С синхронной точки зрения, можно говорить об узком и широком понимании советизмов. В первом случае речь идет о политической лексике и фразеологии, имеющей, как правило, тенденциозно-идеологическое смысловое наполнение: *перегибчик, подкованный, оголтелый, махрово-реакционный, генеральная линия партии, партийная совесть, страна победившего социализма, частно-собственнические интересы, политучеба, ленинский зачёт, политинформация, партсобрание, блок коммунистов и беспартийных, социальная законность* и др. Во втором случае советизм трактуется как слово (сочетание слов, клишированное выражение), обладающее значением, компонентный состав которого отражает специфику участка собственно денотативного пространства и содержит идеологические коннотативные приращения или культурные ограничители: *анекдот- пик, аморалка, блатняк, подселение, уплотнить, субботник, уравниловка, удар- пик, пятилетка, вертулика, коммуналка, цеховщина, црковский паек, из-под полы, вещепоклонство, отказник, очередник, невозвращенец* и др.

В данном исследовании нас в большей степени интересуют советизмы первой группы, использование которых в пропагандистской дискурсивной практи-

УДК 811.161.1'42'243'282.4:33

Г. С. Яроцкая, Е. А. Воркачёва

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА КАК МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМ

В статье рассматриваются аксиологические аспекты поляризации лексики советского периода. Делается вывод о том, что формирование идеологем советского языкового кода опирается на уже существующие в языковом сознании пресуппозитивные коннотативно-оценочные компоненты.

Ключевые слова: идеологема, аксиологическая поляризация, советский языковой код.

Основной идеологический потенциал лексемы сосредоточен в идеологемном компоненте семантики, создаваемом посредством целенаправленного воздействия определенных социальных институтов на сознание носителей лингвокультуры.

ке демонстрирует тенденцию к расщеплению идеологически центральных понятий по дуалистической схеме «друг-враг». Это может выражаться в том, что имеющиеся синонимы получают **аксиологически противоположное смысловое наполнение и таким образом способствуют языковому делению мира.**

Признаки этого процесса наблюдаются во все периоды истории русской лингвокультуры (ср. *славный/пресловутый, вольнодумство/вольномыслие*), однако в советском языковом коде эта тенденция выходит далеко за рамки таких сопоставимых пар, как *соглашение/сговор, почин/происки, руководитель/главарь, революция/мятеж, визит/вояж, миролюбие/нацифизм, разведчик/шпион, интернационализм/космополитизм, соревнование/конкуренция, суд/судилище* и др. Идеологические представления, входящие в состав пресуппозитивных компонентов семантики единиц советского языкового кода, не исчерпываются положительными и отрицательными коннотациями. Они включают в себя целый комплекс идей марксистско-ленинского учения (*марксизма-ленинизма*), «творчески развиваемого» советскими идеологами. Мания абсолютного дистанцирования «своего» от «чужого» обнаруживается в области политической терминологии (и не только в ней). Так, использование перифрастических выражений *страны социалистического лагеря, братские страны, страны капитала, буржуазные страны* и *империалистическая система* навязывало марксистское представление, согласно которому ключевым для противопоставления является различие их экономического строя, «способа производства». Естественно, пользуясь единицами советского языкового кода, говорящие неизбежно принимали содержащиеся в них идеологемы, даже если изначально они критически относились к советскому строю (ср.: *В советские времена считалось (а многие считают и сейчас), что в XX веке в мире сосуществовали и боролись между собой лагерь капитализма и лагерь социализма (не считая «третьего мира» - «неприсоединившихся» стран)* (В. Персианов, Литературная газета [www.ruscorpora.ru]). Следствием этого было то, что система ценностей советской пропаганды, объективированная в официальном идеологическом дискурсе, во многом была тождественной нонконформистскому дискурсу. Таким образом советская пропаганда, используя языковые идеологемы, проникала в обыденное сознание советских людей.

Одним из механизмов формирования идеологем является использование в языке двух разных аксиологически разведенных рядов лексических единиц в зависимости от того, о ком/о чём идёт речь - о *своём* или о *чужом*. В соответствии с одним из ключевых положений советской официальной идеологии, пропагандирующей коммунарные (*социалистические, советские* в официальном дискурсе) ценности, все (даже внешне сходные) явления в «коммунарных» странах и «субсидиарных» (большинство стран Западной Европы и США) имеют совершенно различную природу (ср. устойчивые выражения советского языкового кода *два мира - две системы, два образа жизни*), что обуславливает аксиологическое расщепление их номинантов: положительными оценками и коннотациями сопровождаются языковые единицы, описывающие одни и те же сущности, факты коммунарного мира и отрицательными - субсидиарного. Пресуппозитивная коммунарная ценностная доминанта - приоритет общественного блага над личным.

Важным фактом для модификаций аксиологического расщепления понятий является то, что оценка передается, как правило, только имплицитно, т. е. толкование значения соответствующей лексемы получает (в терминах московской семантической школы) модальную рамку типа «говорящий считает, что это хорошо/плохо» [1]. Лексема *режим*, получившая в советском языковом коде негативные коннотации, ассоциировалась с царским, старым, антинародным режимом (а также с политическим устройством капиталистических стран) и употреблялась в соответствующих контекстах. Аксиологический антипод *режима* лексема *строй* — *государственный строй* - использовалась по отношению к советскому, социалистическому строю (аналогично *революция* — *путч, переворот*).

Однако целенаправленное воздействие на изменение ценностей языкового сознания - очень сложная задача, тогда как стихийные процессы, происходящие с опорой на уже имеющиеся в арсенале аксиокатегории сознания, воплощённые в неассертивной семантике языковых единиц, отражают не столько смену, сколько «идеологическую коррекцию» ценностной парадигмы. Иначе говоря, язык пропаганды не может возникнуть на пустом месте. Его воздействие основано на уже состоявшейся семантической эволюции многих ключевых понятий, подготовившей почву для внедрения ценностей-идеологем. Так, например, советский код мог использовать коннотативный потенциал лексемы *мещанский* (*мещанство*) для обозначения чего-то враждебного, поскольку отрицательное отношение к мещанству уже было выработано в русской лингвокультуре и получило подтверждение в реальной повседневной речи [1, с. 129-135].

Таким образом, готовность языкового сознания к внедрению советских идеологем обусловлена тем, что в пресуппозитивных компонентах семантики уже присутствовали многие смыслы, на которые могла опереться советская пропаганда. Внести же в семантику' языковой единицы отсутствующий в ней неассертивный компонент представляет значительную трудность. В директивном порядке этого достичь практически невозможно, поскольку, как уже было сказано, вся сила неассертивных компонентов в том, что они не находятся в фокусе внимания и воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Однако можно начать использовать слова с «нужным» семантическим, в том числе и ценностным, приращением, с расчётом на то, что впоследствии такое употребление станет привычным. Подобные семантические операции возможны только по отношению к малоупотребительным словам. Например, такая операция была проведена со словами *космополит, космополитический* и *космополитизм*, первоначально не имевшим отрицательных идеологических коннотаций в русском языке (см. подробно об этом [1, с. 543]). Ценность родства, воплощённая в метафорах семейной связи, способствовала формированию непротиворечивого образа общества без акцентирования национальных различий. Метафоры родства позволяли примирить представление *о русском языке как родном* для всех народов СССР (для этого было введено понятие *второй родной язык*); идеологическая метафорическая модель *братства* всех республик (*братские республики, братские народы, города-побратимы* и т. д.) свидетельствовали о том, что Ценность родства органично вписывалась в общую систему метафорических

понятий эпохи Н. С. Хрущёва и Л. И. Брежнева.

Для обозначения несогласия, неприятия советской власти, политики и идеологии вводится ряд неологизмов: *антикоммунист, антиленинец, антисоветчик, антиреволюционер, вредитель, враг народа, диссидент* и др. опирающихся на оценочные компоненты лексемы *инакомыслие*. Если в Российской империи *инакомыслие* ассоциировалось с *вольнодумством* («неприятие идей Христа»), либеральными идеями, то советский пропагандистский дискурс вводит понятие *антисоветчина*, а затем в 60-е годы *диссидентство*: диссидент, а, м. Неодобр. или бран. Тот, кто не согласен с господствующей в стране идеологией, проводимой политикой, существующей системой; *инакомыслящий* [ТСЯС]. Отрицательный оценочный потенциал присущ всем лексемам, содержащим сигнификативный компонент значения — 'не соответствующий правилам и нормам социалистического образа мысли и поведения'.

Данные лексемы можно распределить в группы, объединённые следующими признаками:

1) «проявление крайностей» - *перегибов* - нарушений правильной линии, вредной крайности в какой-либо деятельности [ТСЯС]: *групповщина, деячество, кампанейщина, казёнщина, формализм, комчанство, приписки, рвачество, начётничество, очковирательство, уравниловка, службист, цеховщина*;

2) «несовместимое с коммунистической моралью поведение» - а) *пережитки прошлого: безыдейность, примиренчество, соглашательство, приспособленчество, пораженчество, подкулачничество, бюрократизм, обломовщина*; б) «проявление буржуазных настроений - *рассадники зла, происки врагов, вешепоклонство, вейцизм, мещанство, карверизм, иждивенчество, тунядство, обывательщина, интеллигентщина* и др. Методами борьбы с этими негативными явлениями выступает в лучшем случае *выговор, взыскание, проработка, перековка, перевоспитание, взятие на поруки, принудилровка*, благодаря которым гражданин СССР может стать *активистом, подкованным, высокодейным, сознательным, морально устойчивым* и даже *передовиком, ударником, правофланговым*, в худшем - *исправтрудом, исправтрудлаг, ГУЛАГ* и др.

Аксиокатегория морали реализуется в идеологемах *социалистическая мораль, морально-политический, высокоморальный, морально устойчивый, моральный кодекс строителя коммунизма, моральная ответственность, морально-политическое единство советского народа, социалистический гуманизм, гуманизм революционного пролетариата* и др. В официальном пропагандистском дискурсе христианские заповеди, несмотря на понятийно-логическую близость к нормам, изложенным в моральном кодексе строителя коммунизма, объявляются *предрассудками, пережитками*, а религия - *опиумом для народа* (К. Маркс). Не случайно слово *православный* в значении существительного толкуется как устаревшее. Неологизм *аморалка* - разг. 1. Аморальное поведение, аморальный поступок [ТСЯС] вступает в синонимические отношения с лексемами *разврат, распутство* и даже *пошлость* и *вульгарность*.

Таким образом, идеологическая экспансия захватывает все ступени семантической структуры слова, проникает в коннотативную часть семантики, диктует прямолинейную аксиологическую поляризацию. Принцип аксиологической поля

ризации, привносящий в референциональное противопоставление *своё/чужое* ценностный дуализм *друг/враг*, имеет, как мы видим, разнообразные проявления в советском языковом коде в целом, и в политической лексике в частности. Одним из механизмов реализации идеологемного потенциала советизмов является аксиологическая поляризация лексики. Ценностное расщепление лексем советского языкового кода в большинстве случаев опирается на уже существующие в языковом сознании пресуппозитивные оценочные компоненты, сформированные в процессе семантической эволюции языка.

Литература

1. Зализняк Анна А. Константы и переменные русской языковой картины мира // Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелёв. - М. : Языки славянских культур, 2012. - 696 с. (Язык. Семиотика. Культура).
2. Купина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. - Екатеринбург; Пермь : ЗУУНЦ, 1995. - 143 с.
3. ТСЯС - Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. - СПб.: Фолио-Пресс, 1998. - 704 с.
4. ТСУ - Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. - М. : Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1935— 1940.
5. Интернет-ресурс/ www.ruscorpora.ru / Национальный корпус русского языка.

Яроцька Г. С. Воркачова Є. О. Аксиологічна поляризація лексики радянського періоду як механізм формування ідеологем

У статті розглянуто аксіологічні аспекти поляризації лексики радянського періоду. Зроблено висновок про створення ідеологем радянського мовного коду, що ґрунтується на вже наявних у мовній свідомості пресуппозитивних оцінних компонентах.

Ключевые слова: ідеологема, аксіологічна поляризація, радянський мовний код.

Yarotskaya G. S., Vorkacheva H. A. Axiological polarization of the Soviet period vocabulary as a mechanism of ideological words formation

Axiological aspects of vocabulary polarization in the Soviet period are considered in the article. It is concluded that the axiological splitting of the Soviet language code units is supported by already existing in a language mentality presuppositional axiological components which are formed in the semantic evolution process.

Key words: ideological word; axiological opposition; Soviet language code.